

Нащокинский домик La Petite Maison de Nachtchokine

НАЩОКИНСКИЙ
ДОМИК

LA PETITE
MAISON
DE NACHTCHOKINE

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«АВРОРА»

ЛЕНИНГРАД

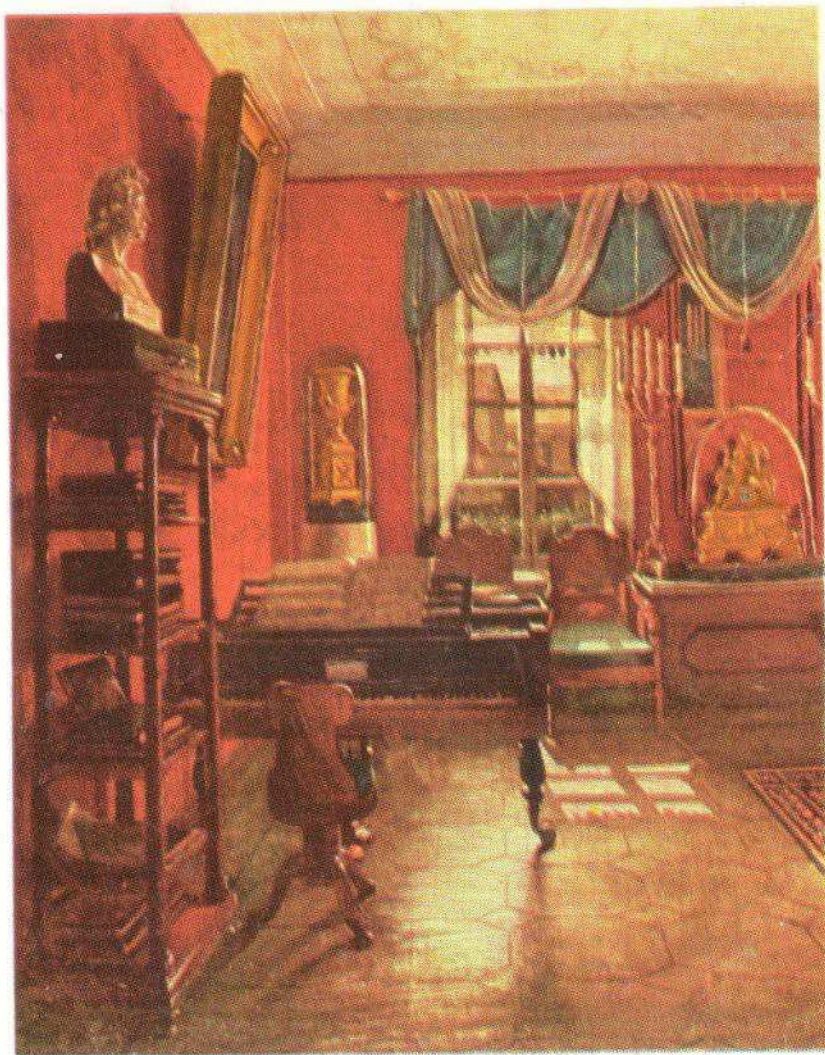
ÉDITIONS D'ART

AUORE

LENINGRAD

LA PETITE
MAISON
DE NACHTCHOKINI

*Домик Нащокина
доведен до совершенства —
нужно стает
только живых человечков.*

*... что за подсвечники,
что за сервиз!
он заказал фортепьяно,
на котором играть
можно будет пауку ...*

Из писем А. С. Пушкина

Автор-составитель Г. Назарова

Auteur: G. Nazarova

Художник А. Шилов

На исходе короткого зимнего дня 1837 года в Петербурге на Черной речке был смертельно ранен Пушкин.

После гибели поэта ко всему, что связано с его именем, стали проявлять особый интерес, относиться бережно и с почтительной любовью. Среди реликвий, которые хранят черты пушкинской эпохи и помогают воссоздать окружавшую поэта обстановку, заслуживает особого внимания „Нащокинский домик“. Это уникальное произведение русского прикладного искусства первой трети XIX века существует более ста тридцати лет.

Павел Воинович Нащокин (1801—1854) — товарищ Льва Пушкина по лицейскому пансиону. Одни называли Павла Воиновича повесой и чудаком; „талантливая широкая натура и превосходное сердце“, — говорили о Нащокине другие. В последние годы жизни А. С. Пушкина он был одним из близких поэту людей. Приезжая в Москву, Пушкин часто останавливался у Нащокина (последний раз в мае 1836 года), подолгу

беседовал с ним — человеком незаурядного ума и большой души. Он охотно слушал рассказы Нащокина о старине, записывал и редактировал его воспоминания.

„Войныч“ — как ласково называл Пушкин Павла Воиновича Нащокина — глубоко понимал литературу, тонко чувствовал искусство. К нему прониклись уважением многие видные представители русской культуры 30—40-х годов XIX века. Художники К. П. Брюллов и П. Ф. Соколов, композиторы А. Н. Верстовский и М. Ю. Виельгорский, знаменитый актер М. С. Щепкин, поэты и писатели В. А. Жуковский, Е. А. Баратынский, Н. В. Гоголь, П. А. Вяземский, основоположник русской критики В. Г. Белинский — вот ближайшее окружение Нащокина.

Нащокин искренне любил Пушкина и преклонялся перед поэтом. Он сделал многое для увековечения памяти Пушкина. Вскоре после гибели поэта Павел Воинович заказал его портрет скульптору И. Витали. „Какой бюст у нас вылеплен! Как живой. Под надзором Нащокина

делал Витали“, — восхищались современники. До конца дней своих Нащокин не расставался с этим портретом.

В начале 1830-х годов П. В. Нащокин решил воспроизвести в уменьшенных копиях внутреннее убранство своей квартиры, а вернее нескольких квартир: за шесть-семь лет, пока создавался „домик“, он переезжал пять раз. Появилось удивительное сооружение — „Маленький домик“, как называл его сам хозяин, миниатюрная копия нащокинской квартиры с гостиной, столовой, буфетной, кабинетом, спальней, бильярдной, передней и даже кухней.

Была и „Пушкинская комната“ — уменьшенное повторение той, в которой обыкновенно жил поэт, наезжая к Нащокину.

Когда Пушкин видел „Нащокинский домик“, это был, по всей вероятности, прямоугольный футляр красного дерева (2,5 × 2 м) с раздвижными зеркальными стеклами, позволявшими рассматривать внутреннее убранство комнат. В разрезе модель показывала оба этажа и подвал.

Пушкин с большим интересом наблюдал за тем, как воплощался замысел его московского друга. В мае 1836 года он писал жене: „Домик Нащокина доведен до совершенства — недостает только живых человечков“.

Приводивший в восхищение современников Нащокина „Маленький домик“ поражает виртуозной точностью выполнения обстановки и убранства. По словам журналиста начала XX века, „Нащокинский домик“ — волшебство, которое остановило мгновенье, потому что все сделано не только „похоже“, а повторено с безукоризненной точностью. „... Эта вещь драгоценна как памятник старины и кропотливого искусства, но она несравненно более дорога нам, как почти живое свидетельство той обстановки ... той среды, в которой попросту и так охотно жил Пушкин“, — писал о „Маленьком домике“ А. И. Куприн.

До настоящего времени сохранилось свыше трехсот уменьшенных повторений мебели, убранства, домашней утвари, наполнявших миниатюрные комнаты.

Материалы, из которых изготовлены предметы, соответствовали подлинным: бронза, резная кость, фарфор, серебро, красное дерево. Вещи в „Маленьком домике“, уступая подлинным только размером, полностью отвечают своему назначению, ими можно пользоваться как настоящими.

Начиная с мебели и кончая мельчайшими предметами домашнего обихода, все сделано лучшими мастерами: столовый сервиз — на фарфоровом заводе А. Попова, мебель красного дерева — работы известной фабрики братьев Гамбс; на предметах серебряных сервизов имеются клейма московских мастеров.

Пушкин в конце 1831 года пишет Наталье Николаевне, что „домик“ отделяется. И, обратив внимание на величину фортепьяно, замечает, что на нем „играть можно будет пауку“. Действительно, на рояле в семь с половиной октав жена Нащокина Вера Александровна разыгрывала мелодии, пользуясь тонкими палочками или вязальными спицами.

Подняв полированную крышку красного дерева, мы видим клавиши, отделанные черными и белыми пластинками слоновой кости, ниточки струн, к которым прикасаются молоточки. Негромкие звуки инструмента усиливаются, если нажать педали на подставке в виде лиры. По свидетельству мемуаристов, рояль высотой 18 см, сделанный на московской фабрике Ф. Фишера, обошелся Нащокину в полторы тысячи рублей.

С любовью, добротой в „домике“ выполнена каждая вещь: „сороконожка“ — раздвижной обеденный стол с вкладной доской и двадцатью точеными ножками в виде балясин, стул к роялю с круглым винтовым сиденьем, разборная кровать и скамеечка для ног. Красивы простеночное зеркало с консолью, зеркало в нарядной резной раме, кабинетное кресло с тонким рисунком высокой решетчатой спинки и слегка закругленными подлокотниками.

Характерен для мебели той поры легкий устойчивый стульчик из столовой с плетеным сиденьем. Гладкая боковая плоскость его лишена

украшений, изящен плавный силуэт чуть выгнутых ножек и полукруглой вырезной спинки.

Типичен для дворянского интерьера буфет „Нащокинского домика“. Замки, вделанные в дверцы, отпирают настоящими ключиками. Выдвижные доски, на которых режут хлеб, обработаны с тем же тщанием, что и лицевая поверхность всего буфета.

Безукоризненной отделкой отличается любой предмет „Нащокинского домика“. Выдвинув ящик письменного стола или туалета, касаешься гладкой, прекрасно отполированной поверхности. В конструкции каждой вещи не упущена ни одна деталь, необходимая при пользовании ею. Например, устройство торшера продумано до мелочей: имеется движок с винтом и крючок для подвешивания лампы, которую можно опускать или поднимать, чтобы регулировать освещение.

Изысканностью отличается отделка двустворчатой ширмы красного дерева. Ажурное готическое оглавление с мотивом трилистника выполнено так умело, что если створки ширмы сложить, то

совпадут просветы и контуры орнамента. Медные ролики в основании позволяют легко передвигать ширму. Вверху драпировка заменена типичными для эпохи силуэтными рисунками, забавными цветными картинками со сценами охоты. Наездники, офицер, крестьянин, танцовщица, барабанщик с трубой, рыцарь со щитом и шпагой, лошади, собаки, медведь с дубиной, бегущий олень, утка в болоте — калейдоскоп сценок и отдельных фигур на створках-„страницах“ этой оригинальной ширмы, напоминающей альбом.

Есть в „домике“ и ломберный стол красного дерева. Массивная ножка стола держится на широком основании с четырьмя резными львиными лапами. Складная крышка стола состоит из двух половинок, обтянутых зеленым сукном.

Специальными мелками в чехольчиках (обычно бисерных) делались записи во время карточной игры. Совсем как в известном эпиграфе к „Пиковой даме“:

И выигрывали,
И отписывали
Мелом.

В ту пору довольно распространенной была игра в бильярд. Не случайно Онегин в романе Пушкина, живя в деревне

Один, в расчеты погруженный,
Тупым кием вооруженный,
Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра.

Бильярд из „Нащокинского домика“ хорошо сохранился: есть треугольная пирамидка, шарики слоновой кости, набор киев, мазиков и подставок к ним с костяными лунками в круглом основании. Стержень подставки венчает костяная ваза с белой крышкой, которая украшена черным языком пламени, также вырезанным из кости. Уцелела ручка с двумя деревянными чашечками, которой доставали шары, и аспидная доска со специальными углублениями для мелков.

Мемуары рассказывают, что в „домике“ был целый „арсенал“ оружия. Сохранились дорожные пистолеты. В ящике черного дерева, обтянутом внутри синим шелком и бархатом, сверкают темным отливом стали и бронзы два пистолета

и пулелейка, похожая на щипцы. В ней можно и сейчас отлить свинцовую пулю. На ящике надпись: „P. H. HUBERTY A LIEGE“.

За редким исключением, имена резчиков по кости и дереву, чеканщиков, ювелиров до нас не дошли. Но все, созданное ими, говорит об удивительном чувстве меры, тонком понимании красоты и гармонии, которыми обладали эти мастера.

Немного воображения — и перед нами гостиная „Маленького домика“: зажжены свечи в нарядной бронзовой люстре, свет оживил позолоту орнамента, составленного из фигурок амуров и цветочных гирлянд. На стенах — бра в виде головок амуров со свечами в рожках-стрелах. Стройные колонны бронзовых торшеров украшены тончайшей чеканкой из мельчайшей сеточки, розеток, цветов. Постепенно оплывают свечи в точеных серебряных подсвечниках... Стальными щипцами, похожими на ножницы с фигурными ручками, срезают нагоревший фитиль... Щипцы и лоток к ним сделаны искусным тульским ма-

стером, который украсил их позолоченным орнаментом и сельским пейзажем на фоне гор.

„Маленький домик“ не был бы так реален, не будь в нем множества обыденных, прозаических мелочей. Масляные лампы, пенковые трубки с янтарными мундштуками и длинными чубуками, чернильницы, фетровая треуголка и плюшевый цилиндр, палки с костяными набалдашниками. Из мемуаров известно, что были даже ночные туфли хозяина и очки в футляре.

Сохранилось на специальной подставке скаковое седло со стременами, уздечкой и подпругой, а также щегольские с серебряными шпорами ботфорты, сшитые модным петербургским сапожником Пелем.

В „домике“ много посуды, при желании в ней можно сварить обед из нескольких блюд по всем правилам кулинарного искусства. Радужный, хлебосольный хозяин, Павел Воинович Нащокин устраивал „званные обеды“ и в „Маленьком домике“. Об одном из них Пушкин шутя писал жене: „У него (Нащокина. — Г. Н.) в домике был пир:

подали на стол мышонка в сметане под хреном в виде поросенка. Жаль не было гостей“.

Кухонная утварь сделана так безукоризненно, что не оставит равнодушной самую придирчивую хозяйку. Луженые медные кастрюли, сковородки, дуршлаг, ступки, формы для пирожного, рыбница, щипцы-„давки“, чтобы колоть орехи, вафельница, специальная сковородка для поджаривания кофейных зерен. Некоторые из этих предметов вышли из употребления: пресс для салфеток, на деревянном винте, резак для колки сахарной головы, лубяной ларец.

Великолепна столовая и чайная посуда. Обеденный сервиз подмосковного завода А. Попова состоит из суповой миски с блюдом, соусника, глубоких и мелких тарелок с синей подглазурной фабричной маркой на доньшках.

Уцелели фарфоровые чайные чашки палевого цвета с позолотой, хрупкие рюмки, стройные бокалы лилового стекла, зеленые фужеры наподобие тюльпанов с тонкими трубчатыми ножками-стебельками, прозрачные стаканы, вазочки.

Интересны в „хозяйстве“ „домика“ самовары. Самый большой — медный, по-видимому дорожный, в погребце-сундучке.

Кроме медного, есть еще четыре серебряных самоварчика, входящие в состав сервизов. В парадном сервизе — изумительные по изяществу формы вызолоченные сахарница, чайник, поло-скательница, сухарница. На внутренних стенках самовара с костяными ручками до сих пор следы накипи: в нем кипятили воду.

Столовое серебро хранилось в особом погребце, выложенном светлой замшей. Ложки, вилки, ножи, лопатки для кулебяки и рыбы, кольца для салфеток — все укладывалось в специальные гнезда. Потемневшие, покрытые патиной серебряные вещи украшены гравировкой и чеканным орнаментом. На их поверхности можно рассмотреть годовые клейма, пробы, именники мастеров; на тулове одного из самоваров отчетливо видны герб Москвы (Георгий Победоносец) и клеймо

Н · Д
1834

. Буквы „Н · Д“ расшифрованы как

имя и фамилия искусного московского пробирного мастера Николая Дубровина. Возможно, спустя годы исчезнут и другие загадки „Нащокинского домика“, откроются новые имена чудо-мастеров, которые, подобно лесковскому Левше, могли подковать блоху.

История существования „Нащокинского домика“ полна превратностей. Нащокин завещал его Наталье Николаевне, жене Пушкина. Однако в 1840-е годы, разорившись, он вынужден был заложить „домик“. Случилось так, что более семидесяти лет уникальный памятник переходил из рук в руки. Большие деньги за него предлагали зарубежные ценители редкостных вещей. Одни предметы потерялись, другие попали к любителям старины. Некоторые вещи оказались в собрании П. И. Щукина, который в начале XX века передал их Историческому музею в Москве. В 1918 году туда же поступил национализированный „Нащокинский домик“. С той поры поиск утраченных вещей не прекращается. Недавно отыскились бронзовые бра, и ваза для вссковых цветов.

Вот уже около двух десятилетий экспонируется „Нащокинский домик“ во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде.

Никто не знает, сколько лет молчали в „домике“, английские напольные, часы в футляре красного дерева. Очевидно, испортился механизм, потерялся ключ, которым его заводили и время как бы остановилось...

Теперь вновь по утрам открывается дверца с выпуклым стеклом, закрывающим циферблат, поворачивается заново сделанный ключ... Оживают часы. Мерно покачивается маятник, опускается гиря, двигаются стрелки. Слышится тихое постукивание — „голос“ часов, словно биение старого сердца „Маленького домика“. Время здесь и теперь ведет счет часам и минутам, как и при жизни нашего великого соотечественника А. С. Пушкина.

*La petite maison de Nachtchokine
a été installée à la perfection —
il n'y manque
que des petits bonshommes vivants.*

*... quels chandeliers!
Quel service de table!
il a commandé un piano
sur lequel pourrait jouer
une araignée ...*

Correspondance de Pouchkine

En 1837 à St.-Petersbourg, au bord de la rivière Tchornaïa, par une fin d'après-midi d'hiver, Pouchkine fut mortellement blessé au cours d'un duel.

Après la mort du poète, tout ce qui avait été lié à son nom suscita un vif intérêt et c'est avec un amour respectueux et attentif que l'on s'attacha à préserver ces reliques.

Parmi les objets témoins de l'époque de Pouchkine et qui recréent dans une certaine mesure l'atmosphère qui entourait le poète, la «Petite Maison de Nachtchokine» retient particulièrement l'attention. Cette œuvre unique des arts décoratifs russes du premier tiers du XIXe siècle a plus de 130 ans.

Pavel Voïnovitch Nachtchokine (1801—1854) avait été le camarade de pension de Léon Pouchkine, le frère d'Alexandre. «C'est une nature généreuse, pleine de talent et un homme de cœur», disait-on de Nachtchokine. Pendant les dernières années de la vie du poète, il fut l'un de ses intimes. Lors de ses séjours à Moscou, Pouchkine logeait souvent chez Nachtchokine (la dernière fois en mai 1836) et il aimait à bavarder longuement avec cet homme à l'âme

élevée et à l'esprit original. Le poète écoutait avec attention les récits de son ami; il notait et rédigeait ses souvenirs qui étaient pour lui un précieux témoignage sur la vie quotidienne d'autrefois.

Nachtchokine avait une profonde intelligence de la littérature et un goût artistique très sûr qui expliquaient peut-être le respect que lui témoignaient de nombreuses personnalités des Lettres et des Arts en Russie au cours des années 1830 et 1840: les peintres Karl Brioullov et P. Sokolov, les compositeurs A. Verstovski et M. Vielgorski, le célèbre acteur M. Chtchepkine, les grands écrivains V. Joukovski, E. Baratynski, N. Gogol, P. Viazemski, le fondateur de la critique littéraire russe V. Bélinski.

Nachtchokine aimait sincèrement Pouchkine et l'admirait en tant que poète. Il a beaucoup fait pour perpétuer sa mémoire. Peu après la mort du poète, Nachtchokine commanda son portrait au sculpteur I. Vitali. «Quel buste magnifique! Quelle vie! C'est sous la direction de Nachtchokine que Vitali a travaillé», disaient les contemporains enthousiasmés. Et Nachtchokine ne s'est jamais séparé de cette sculpture.

C'est au début des années 1830 que Nachtchokine décida de faire reproduire en réduction l'aménagement intérieur de son appartement, plus exactement de ses appartements, car au cours des 6 ou 7 années que demanda la réalisation de la «Petite Maison», il déménagea cinq fois. Une œuvre étonnante couronna ses efforts. Dans cette «Petite Maison» on reconnaissait le salon, la salle à manger, l'office, le cabinet de travail, la chambre à coucher, le billard, l'antichambre et même la cuisine.

La chambre de Pouchkine y figurait également. C'était la reproduction exacte de la pièce occupée par le poète lors de ses séjours chez Nachtchokine.

Il est probable que la Petite Maison telle que la vit Pouchkine consistait en une boîte d'acajou rectangulaire de 2,5 sur 2 mètres; des vitres mobiles permettaient de voir l'intérieur des pièces. En coupe, la maquette comprenait deux étages et un sous-sol.

Pouchkine s'intéressait vivement à la réalisation du projet original de son ami moscovite. «La petite maison de Nachtchokine a été installée à

la perfection», écrit-il à sa femme en mai 1836, «il n'y manque que des petits bonshommes vivants».*

La Petite Maison qui enthousiasma les contemporains de Nachtchokine étonnait plus tard encore par la minutie et la virtuosité qui ont été apportées à l'exécution des détails de l'ameublement et de la décoration. Un journaliste du début du XXe siècle note que «La Petite Maison est un enchantement où le temps semble s'être arrêté; les objets qu'elle contient ne sont pas seulement «ressemblants», ils sont reproduits avec une exactitude irréprochable». «C'est une chose précieuse à la fois comme monument du passé et comme œuvre d'art d'une grande minutie», écrivait Kouprine, «et elle nous est infiniment chère, surtout comme témoignage vivant du cadre dans lequel Pouchkine aimait vivre, en toute simplicité».

Plus de trois cents miniatures se sont conservées jusqu'à nos jours: meubles, tapis, rideaux,

* Les lettres sont citées d'après l'édition des œuvres complètes de Pouchkine (Autobiographie, critique, correspondance) publiées par André Meynieux, Paris, 1958.

vaisselle, ustensiles ménagers qui garnissaient les différentes pièces.

Les matériaux utilisés pour les copies sont les mêmes que pour les originaux: le bronze, l'ivoire travaillé la porcelaine, l'argent, l'acajou et le noyer. Dans la Petite Maison, les miniatures ne sont inférieures à leur modèle que par les dimensions. Chaque objet est pleinement conforme à sa destination. On pourrait s'en servir. Depuis les meubles jusqu'aux moindres ustensiles de ménage, tout a été exécuté par les meilleurs artisans de l'époque: le service de table sort de la manufacture de porcelaine de A. Popov, les meubles des ateliers de l'ébéniste Hambs, l'argenterie porte les poinçons d'artisans de Moscou et la coutellerie les estampilles de ferronniers de Toula.

A la fin de 1831, Pouchkine écrit à sa femme que la petite maison de Nachtchokine «est entièrement meublée... il a commandé un piano sur lequel pourrait jouer une araignée...» Et en fait, sur ce piano à queue, à sept octaves et demi, la femme de Nachtchokine, Véra Alexandrovna, interprétait des mélodies à l'aide de fines baguettes ou d'aiguilles à tricoter.

Si nous soulevons le couvercle d'acajou, nous voyons les touches recouvertes de minces lamelles d'ivoire noir et blanc, les cordes tenues comme des fils que frappent les petits marteaux. Les sons faibles de l'instrument peuvent être amplifiés grâce aux pédales portées par une lyre. Certains mémorialistes assurent que ce piano de 18 cm de haut fabriqué à Moscou, dans les ateliers de F. Fischer, coûta 1.500 roubles.

Chaque objet de la Petite Maison est réalisé avec amour et conscience. On ne sait ce qu'il faut le plus admirer : la table de salle à manger «mille-pattes» à rallonges avec ses vingt pieds tournés en balustre, la chaise de piano en gondole à siège rond tournant, le lit démontable ou le modeste tabouret pour les pieds. On remarquera également un fauteuil de bureau à dossier grillagé composé de fines baguettes de bois et aux accoudoirs légèrement arrondis, et de fort belles glaces : un miroir au-dessus d'une console et un autre, dans un cadre richement sculpté.

Les chaises de salle à manger à siège canné, légères et confortables, sont caractéristiques du mo-

bilier russe d'alors. Le profil en est uni, dépouillé ; la ligne des pieds légèrement arqués et du dossier en demi-cercle est pleine d'élégance.

Le buffet de la Petite Maison de Nachtchokine est typique des intérieurs aristocratiques de l'époque. Les serrures s'ouvraient avec des clefs, minuscules mais véritables. Les tirettes à poignées d'ivoire sur lesquelles on coupait le pain ont été exécutées avec le même soin que la partie antérieure du buffet.

La finition intérieure et extérieure du moindre objet de la Petite Maison est irréprochable. Ouvrons le tiroir du bureau ou de la coiffeuse : la surface en est lisse, parfaitement polie. Pas un détail ne manque, tout est prévu.

Le lampadaire en acajou est particulièrement réussi ; il comporte une tige mobile et un crochet pour la suspension de la lampe que l'on peut élever ou abaisser pour régler l'éclairage.

Un élégant paravent mobile à deux panneaux retient l'attention. Les tentures sont remplacées par des dessins en couleurs représentant des scènes de chasse et exécutés à la technique de silhouette typique

de l'époque. C'est tout un foisonnement de personnages et de petits tableaux de genre qui se déroulent à l'infini comme en un kaléidoscope: les cavaliers, l'officier, le paysan, la danseuse, le joueur de tambour avec sa trompette, le chevalier avec son bouclier et son épée, les chevaux, les chiens, l'ours avec son gourdin, le cerf qui fuit, le canard sur l'étang. Le fronton décoré d'un motif en trèfle est exécuté avec une telle habileté que si l'on replie le paravent, les contours et les découpures se recouvrent exactement.

On peut voir également dans la Petite Maison une table à jeu en acajou dont le pied massif repose sur un large socle porté par quatre pattes de lion. Le plateau de la table s'ouvre et laisse voir une surface couverte de drap vert.

Au cours des parties de cartes, on se servait pour certaines notations de craies rangées dans de petits étuis (généralement en perles). Comme dans l'épigraphe bien connu de la *Dame de Pique* de Pouchkine,

Et ils gagnaient,
Marquaient les coups
A la craie...

A cette époque, le billard était également assez répandu et ce n'est pas par hasard que l'on trouve les vers suivants dans *Eugène Onéguine*:

Il s'arme d'une queue et joue avec deux billes
Tout seul sur son billard, calculant maints habiles
Carambolages et doublets à grand effet
Cherchant à devenir virtuose parfait.

Le billard de la Petite Maison de Nachtchokine est en très bon état: on y voit la pyramide triangulaire, les boules d'ivoire, deux sortes de queues de billard sur un support spécial; l'extrémité de chaque canne repose dans une coupelle d'ivoire. Le support est surmonté d'un vase d'ivoire; du couvercle jaillit une flamme noire sculptée également en ivoire. Un ramasse-boules avec deux coupes de bois a été conservé, ainsi qu'une ardoise comportant une rainure pour les craies.

Les mémoires rapportent que la Petite Maison renfermait tout un «arsenal». Seuls les pistolets de voyage se sont conservés. Les aciers et les bronzes

* Pouchkine, *Eugène Onéguine*, traduit du russe par Wladimir Mikhaïlow, Paris, 1884.

de deux pistolets et d'un moule à balle brillent d'un éclat sombre dans un coffret de bois noir tendu de soie bleue et de velours. On pourrait encore aujourd'hui couler une balle de plomb dans le moule. Sur le coffret on voit l'inscription : P. H. HUBERTY A LIEGE.

Les noms de ces habiles artisans, joalliers, graveurs et ciseleurs sur métaux ne nous sont pas parvenus, mais l'œuvre sortie des mains de ces artistes inconnus nous permet d'apprécier le sens de la mesure, de la beauté et de l'harmonie qu'ils possédaient.

Il suffit d'un peu d'imagination pour voir le salon de la Petite Maison... Les bougies du beau lustre de bronze sont allumées, la lumière anime l'or des figurines d'Amours et des guirlandes de fleurs qui décorent les murs. Des appliques en têtes d'Amours sont accrochées aux murs. Sur des guéridons se dressent les colonnes élancées des candélabres de bronze ornés de fines ciselures en forme de filet, de rosaces et de fleurettes. Des bougeoirs d'argent éclairent le piano. On mouche les chandelles avec des pinces à manches ouvragés posées sur un plateau spécial. Les pinces et le porte-pinces sont l'œuvre d'un habile

artisan de Toula qui les a décorés d'un motif doré et d'un paysage champêtre sur fond de montagne.

La Petite Maison ne serait pas vraiment authentique s'il ne s'y trouvait pas une multitude de petits objets prosaïques d'usage quotidien : des carrels (sorte de lampes à huile), des pipes d'écume à bouquin d'ambre et à long tuyau, des encriers, un chapeau haut de forme en peluche, un tricorne, des cannes à pommeaux d'ivoire. On sait d'après certains mémoires que l'on avait reproduit jusqu'aux pantoufles et aux lunettes du maître de la maison dans leur étui.

Dans la Petite Maison de Nachtchokine on peut voir une véritable selle de course avec les éperons, le mors et la sangle présentés sur un support spécial, et de fringantes bottes-fortes à éperons d'argent, venant de chez Pelle, bottier à la mode alors à St.-Petersbourg.

La vaisselle ne manque pas dans la Petite Maison. Si on le désirait, on pouvait y préparer un repas de plusieurs plats selon toutes les règles de l'art culinaire. Nachtchokine, qui était un maître de maison hospitalier et affable, y organisait des diners «priés».

Пистолет.

Сталь, бронза.

Длина 4,4 см.

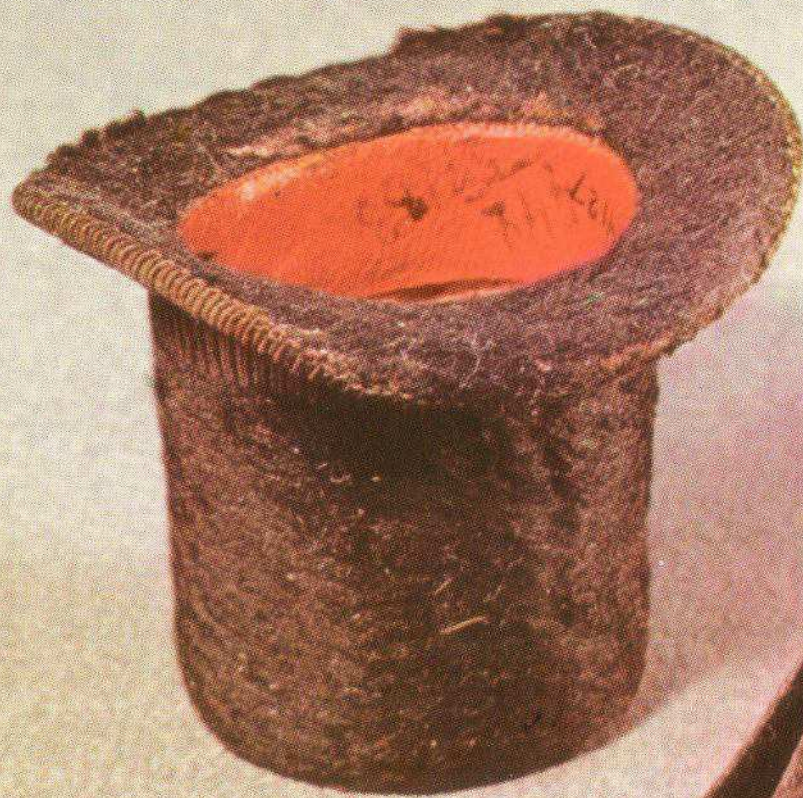
Pistolet.

Acier, bronze.

Longueur: 4,4 cm.

Цилиндр и треуголка
Трость. Длина 18,5 см

Chapeau haut de forme
et tricorne de feutre
Canne. Longueur: 18,5 cm

Скаковое седло

на подставке.

Размер седла $11 \times 8 \times 7$ см.

Ботфорты на колодках.

Высота 13,5 см.

Selle de course

sur un support.

$11 \times 8 \times 7$ cm.

Bottes-fortes

et embauchoirs de bois.

Hauteur: 13,5 cm.

Стол с предметами обеденного сервиза

Table et pièces de vaisselle

A propos d'une de ces réceptions, Pouchkine écrivait plaisamment à sa femme: «Je vois Nachtchokine tous les jours. Dans sa *Petite Maison* il y a eu un festin: on a servi sur la table un souriceau à la crème, enrobé de raifort, sous les apparences d'un cochon de lait. Dommage, il n'y avait pas d'invités.»

La batterie de cuisine est irréprochable; la maîtresse de maison la plus exigeante n'y trouverait rien à redire. Tout y est: casseroles de cuivre étamé, poêles, passoires, mortiers, moules à gâteaux, poissonnière, casse-noix, gaufrier, brûloir à café. Certains ustensiles sont depuis longtemps sortis de l'usage, ce qui les rend particulièrement intéressants: une presse pour les serviettes de table se composant d'une planchette tournant autour d'une vis de bois et une machine rappelant une guillotine dont on se servait pour couper les pains de sucre.

La vaisselle de table et le service à thé sont magnifiques. Le service de table qui se compose d'une soupière, d'une saucière, de plats et de petites assiettes de porcelaine vient des manufactures de A. Popov aux environs de Moscou; on peut voir la marque

de fabrique bleue sous glaçure sur le fond des différentes pièces.

Les tasses à thé, jaune paille et doré, enchantent par l'harmonie de leur forme et la combinaison des couleurs. En dépit de sa fragilité, la verrerie s'est conservée jusqu'à nos jours: verres à vodka, flûtes à champagne mauves, verres en forme de tulipe à pied annelé, petits vases peints.

Les samovars qui font partie du ménage de la *Petite Maison* sont très intéressants. Le plus grand est un samovar de cuivre rangé dans un coffret; c'était sans doute un samovar de voyage. Quatre autres petits samovars en argent font partie des services d'argenterie. Le service d'apparat à l'intérieur doré est d'un dessin très élégant; il se compose d'un sucrier, d'une théière, d'un rinçoir, d'une corbeille à biscottes. On a fait bouillir de l'eau dans le samovar à poignées d'ivoire: on devine un léger dépôt sur les parois internes.

On serrait l'argenterie dans un coffret spécial; cuillers, fourchettes, couteaux, pelles à poisson et à pâté avaient chacun leur place marquée en creux dans

la doublure de daim. Sur l'argenterie noircie et patinée, on distingue divers poinçons; on reconnaît nettement les armes de Moscou représentant St.-Georges terrassant le dragon avec sa lance; d'autres estampilles indiquent le nom de l'artisan et la date de fabrication. De nombreux noms que l'on n'était pas parvenu à lire autrefois ont été déchiffrés de nos jours. Il est possible que tous les secrets de la Petite Maison soient percés avec le temps; et l'on connaîtra tous ces magiciens qui, comme l'un des héros de Leskov, auraient pu «ferrer les pattes d'une puce».

L'histoire de la Petite Maison est pleine de revirements. Nachtchokine la légua à Natalia Nikolaïévna Gontcharova, la femme de Pouchkine. Cependant, en 1840, Nachtchokine ruiné dut mettre en gage cette œuvre unique et il ne put la racheter. Et c'est ainsi que pendant plus de soixante-dix ans la Petite Maison passa de main en main. Des amateurs étrangers en offrirent alors des sommes élevées. Certaines pièces disparurent, d'autres furent acquises par des collectionneurs d'antiquités. Quelques objets furent retrouvés dans la collection de P. Chtchoukine

qui, au début du XXe siècle, en fit don au Musée Historique de Moscou. En 1918, c'est là également que fut déposée la Petite Maison.

Depuis près de vingt ans la Petite Maison de Nachtchokine est exposée au Musée Pouchkine de l'URSS à Léninegrad. Les recherches pour retrouver les objets disparus se poursuivent.

... Personne ne sait pendant combien d'années l'horloge anglaise a gardé le silence dans son coffre d'acajou. Le mécanisme s'était détraqué, la clef qui servait à le remonter s'était perdue, et le temps s'était arrêté...

Mais de nouveau on ouvre tous les matins la vitre bombée qui ferme le cadran, on tourne une clef neuve, l'horloge reprend vie. Le balancier oscille régulièrement, les poids montent et descendent, les aiguilles avancent. On entend un léger tic-tac, c'est le vieux cœur de la Petite Maison qui bat. Et de nos jours, comme par le passé, du temps du grand Pouchkine, c'est cette horloge qui compte les heures et les minutes.

Гарнитур из гостиной.

Красное дерево.

Mobilier de salon en acajou.

Стол из гарнитура.

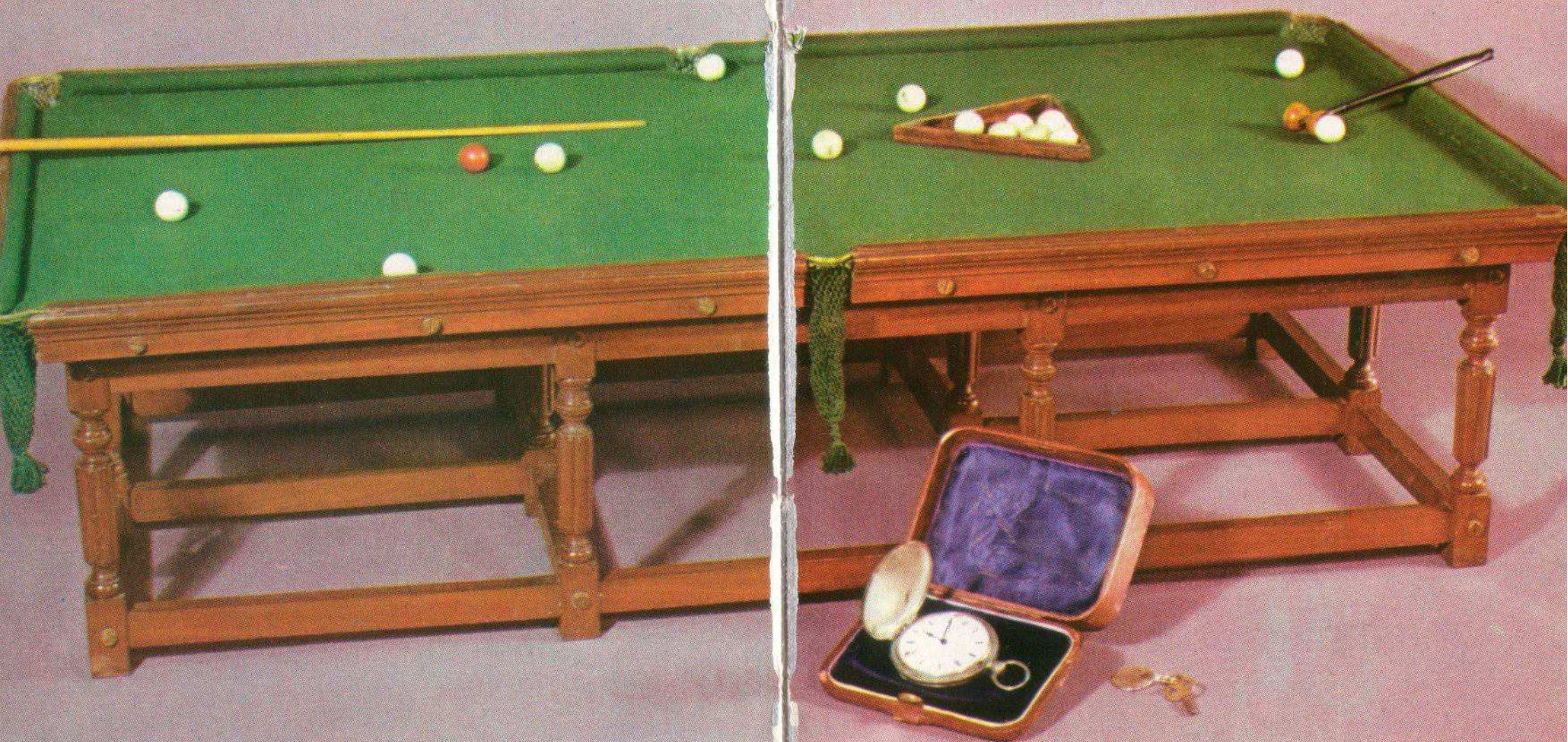
Высота 14,5 см.

Table de salon.

Hauteur: 14,5 cm.

Бильярд. 19 × 74 × 38 см.

Billard. 19 × 74 × 38 cm.

Шары. Точеная кость. Диаметр 1,5 см.

Ручка для подачи шаров.

Красное дерево. Длина 14,5 см.

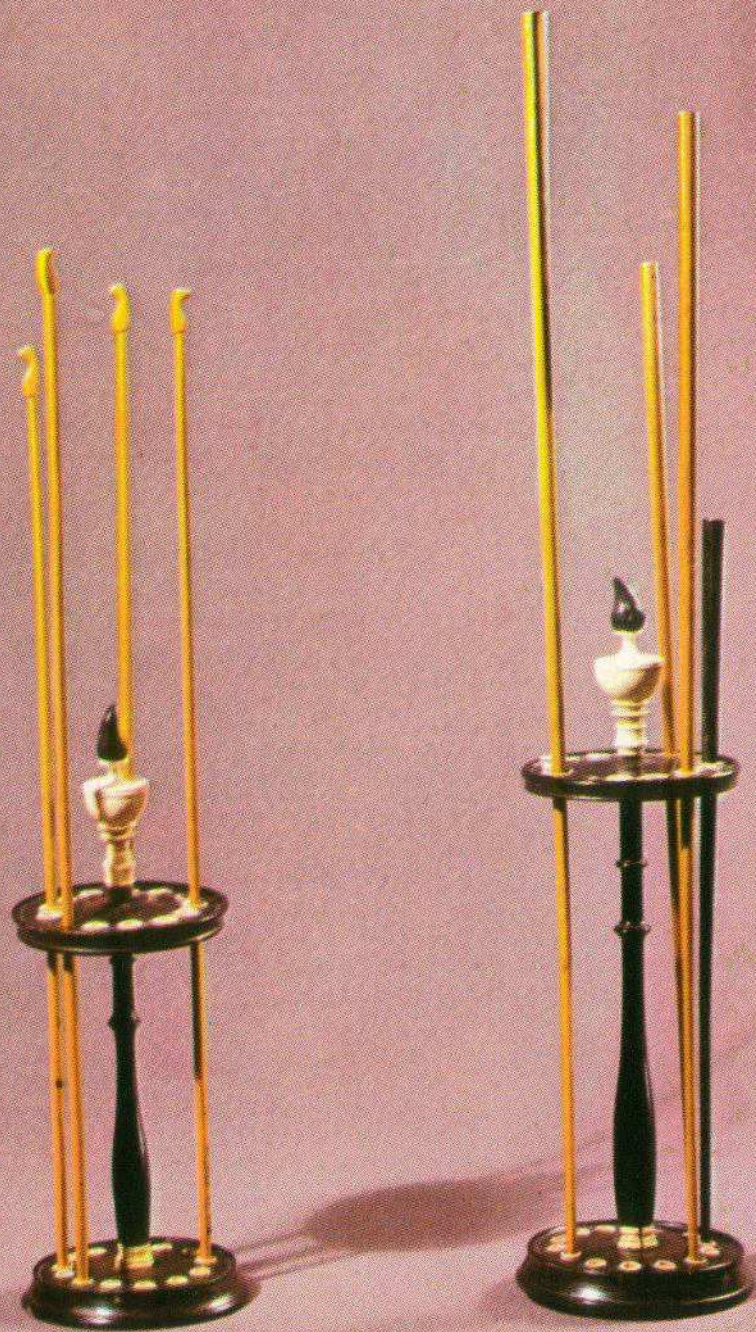

Boules d'ivoire. Diamètre: 1,5 cm.

Ramasse-boules d'acajou. Longueur: 14,5 cm.

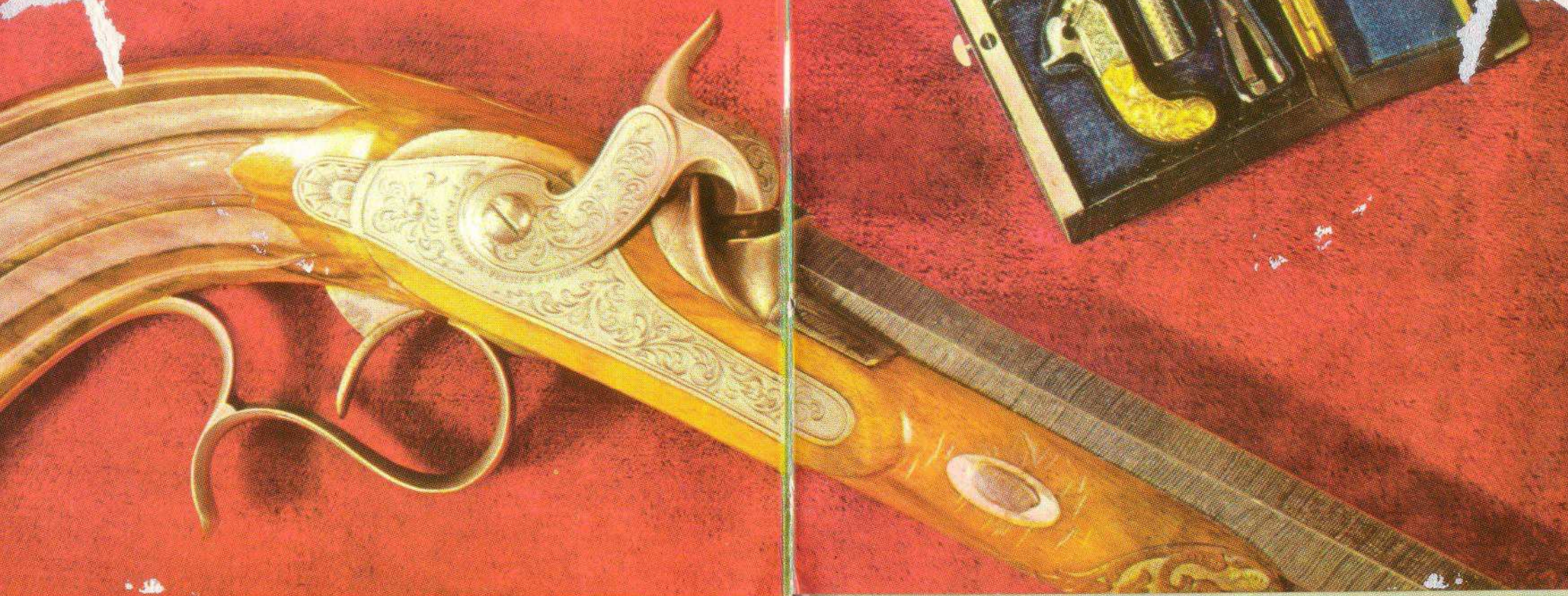

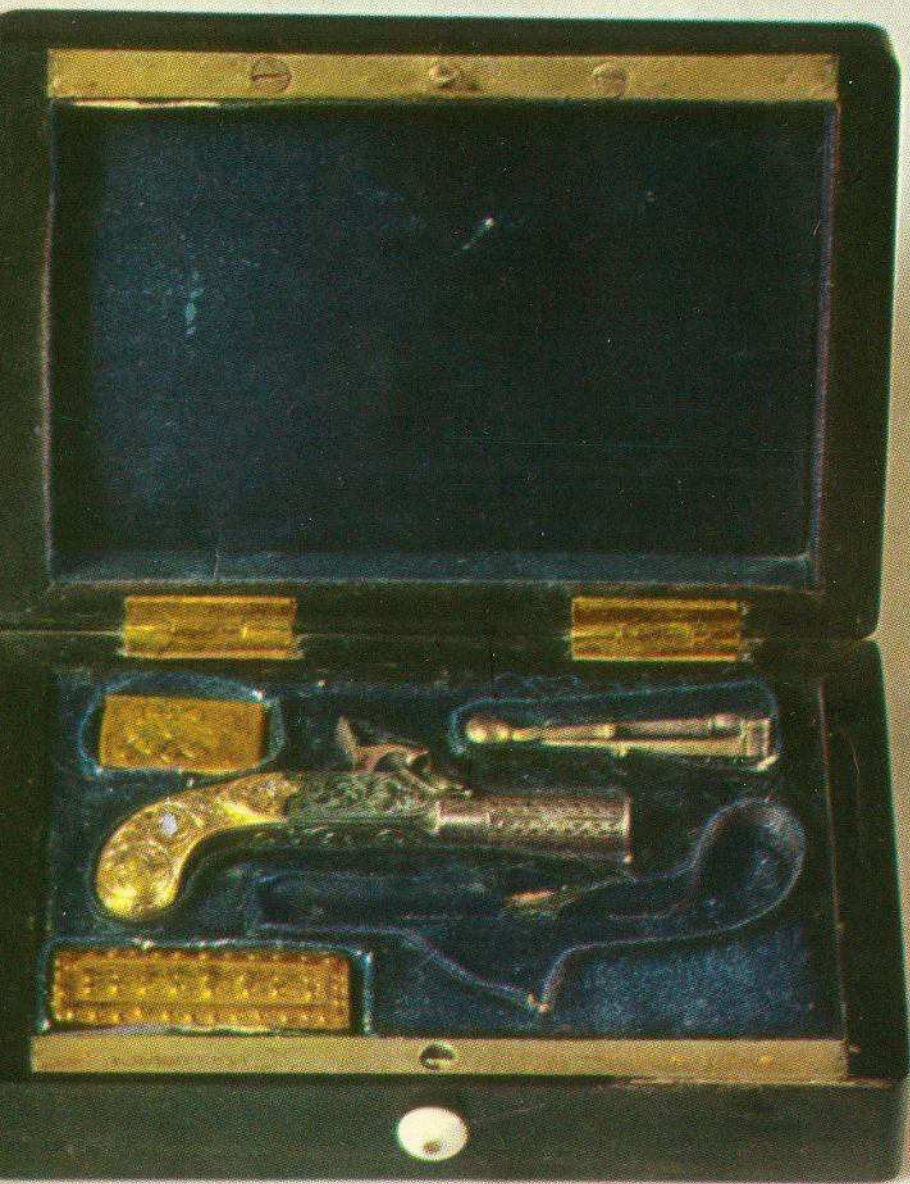
Подставки для бильярдных киев и мазиков.
Дерево, кость. Высота 21,5 и 17,5 см.

Дорожные пистолеты.

Coffret de pistolets de voyage.

Пистолет.

Сталь, бронза.

Длина 4,4 см.

Pistolet.

Acier, bronze.

Longueur : 4,4 cm.

Цилиндр и треуголка
Трость. Длина 18,5 см

Chapeau haut de forme
et tricorne de feutre
Canne. Longueur: 18,5 cm

Скаковое седло

на подставке.

Размер седла $11 \times 8 \times 7$ см.

Ботфорты на колодках.

Высота 13,5 см.

Selle de course

sur un support.

$11 \times 8 \times 7$ cm.

Bottes-fortes

et embauchoirs de bois.

Hauteur: 13,5 cm.

Стол с предметами обеденного сервиза

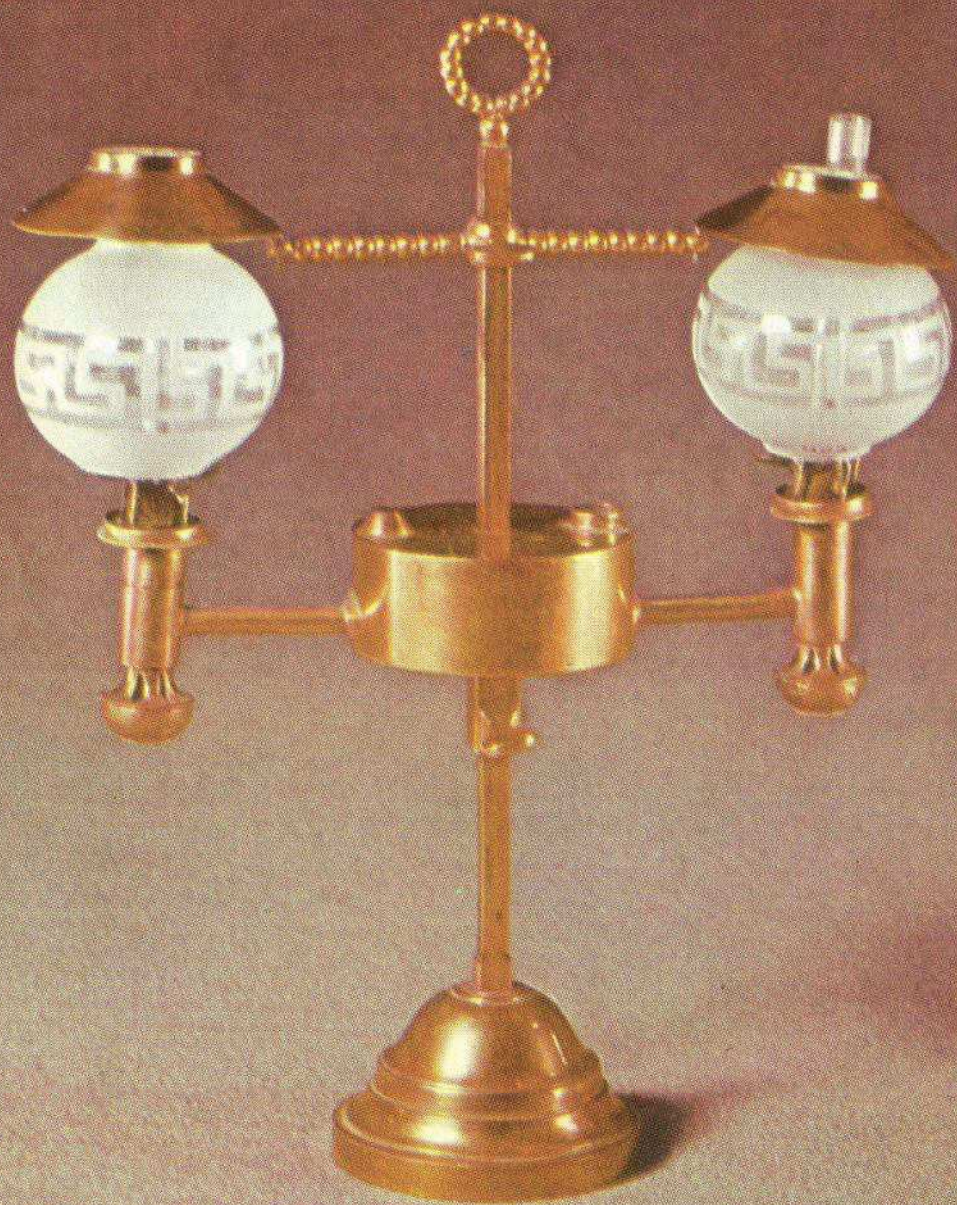
Table et pièces de vaisselle

Диван. Красное дерево. Длина 43 см.
Подушка, шитая бисером, и гитара.

Divan d'acajou. Longueur: 43 cm.
Coussin brodé de perles et guitare.

Лампа. Бронза золоченая.

Высота 14 см.

Настольное бюро. Резная кость.

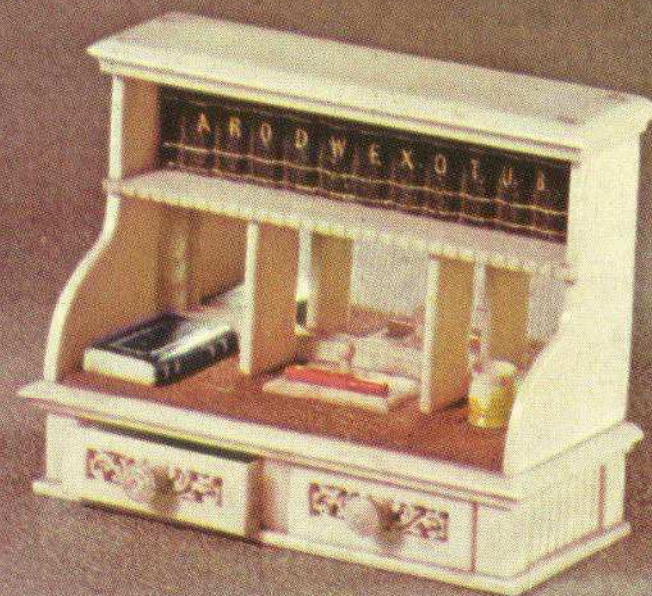
Высота 6,8 см.

Lampe à huile.

Bronze doré. Hauteur: 14 cm.

Ecrritoire. Ivoire sculpté.

Hauteur: 6,8 cm.

Письменный стол и кресло.

Красное дерево.

Bureau et fauteuil d'acajou.

Люстра. Бронза золоченая.

Диаметр 19 см.

Lustre. Bronze doré.

Diamètre: 19 cm.

Зеркало. Высота 37 см.

Кресло и торшер.

Высота 18,5 см и 41,5 см.

Glace à support d'acajou.

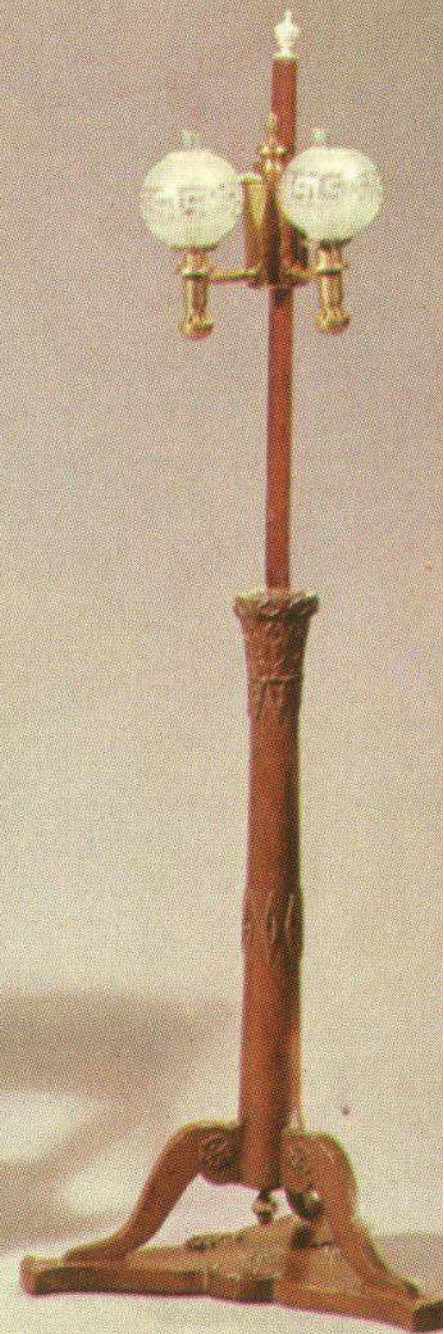
Hauteur: 37 cm.

Fauteuil d'acajou.

Hauteur: 18,5 cm.

Lampadaire d'acajou.

Hauteur: 41,5 cm.

Бра. Бронза золоченая. Высота 5 см.

Applique. Bronze doré. Hauteur: 5 cm.

Шипцы для снятия нагара со свечи и лоточек.

Тульская сталь, Длина шипцов 4,2 см, лоточка — 6 см.

Pinces et porte-pinces. Acier de Toula.

Longueur des pinces: 4,2 cm; du porte-pinces: 6 cm.

Вышивка по атласу

8,2 × 7 см

Канделябр

Бронза золоченая

Высота 15 см

Broderie sur satin

8,2 × 7 cm

Candélabre

Bronze dorée

Hauteur: 15 cm

Каминные часы. Бронза золоченая. Высота 9 см.

Pendule de cheminée. Bronze doré. Hauteur: 9 cm.

Ваза для восковых цветов. Бронза золоченая. Высота 2,8 см.

Vase pour fleurs de cire. Bronze doré. Hauteur: 2,8 cm.

Буфет. Высота 37 см.

Часы напольные. Высота 30,5 см.

Стулья с плетеными сиденьями.

Высота 16 см.

Buffet d'acajou. Hauteur: 37 cm.

Horloge. Hauteur: 30,5 cm.

Chaises d'acajou à siège canné.

Hauteur: 16 cm.

Раздвижной обеденный стол
„сороконожка“. Красное дерево.
Длина 38 см.

Table de salle à manger «mille-pattes»
à rallonges. Acajou.
Longueur: 38 cm.

Люстра. Бронза золоченая.

Диаметр 9 см.

„Больная“. Литография. 19 × 15 см.

(с картины Г. Дю. 1663 г.).

Lustre. Bronze doré. Diamètre: 9 cm.

La Malade. Lithographie d'après

un original de Gérard Dou (1663). 19 × 15 cm.

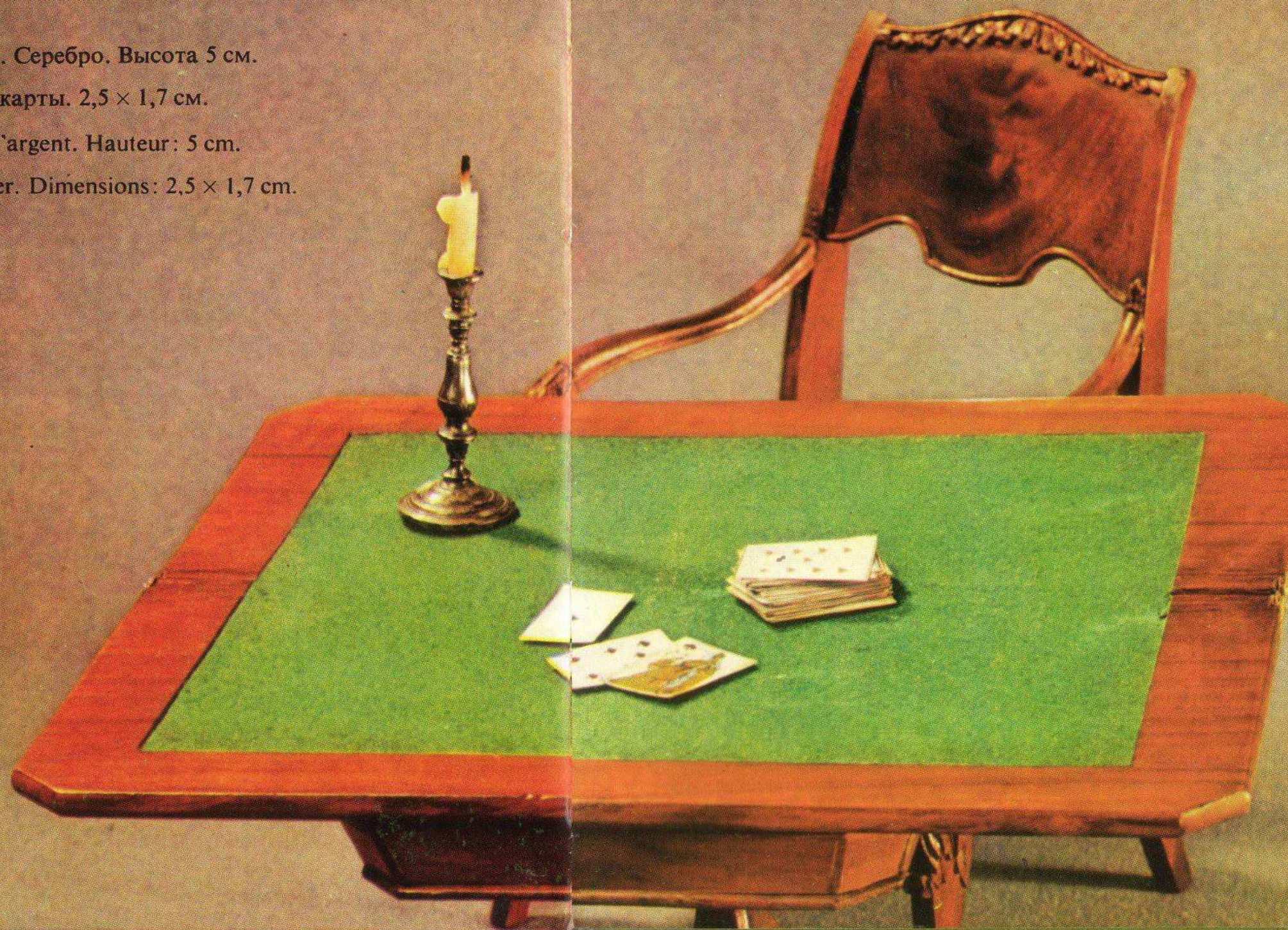

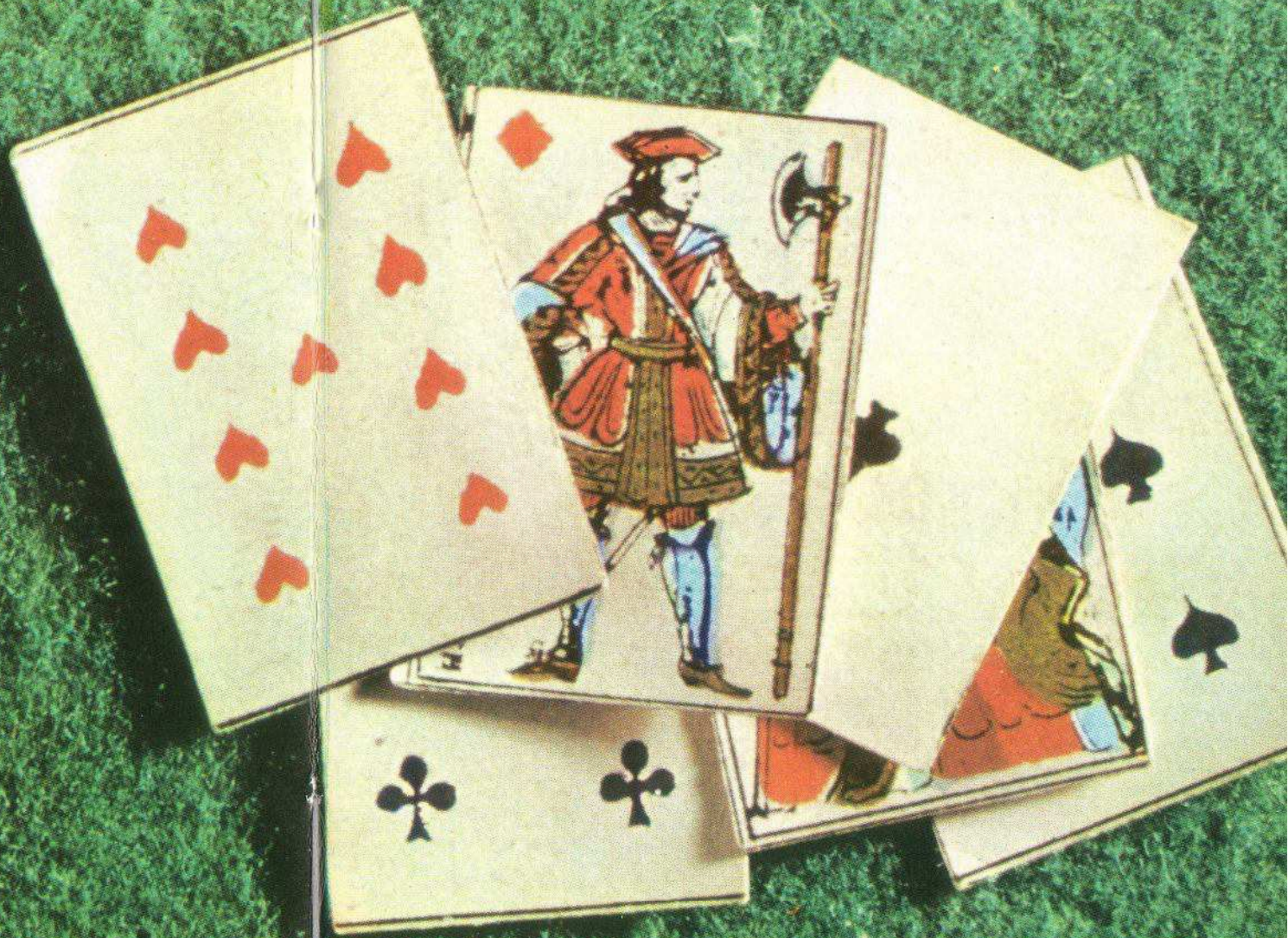
Подсвечник. Серебро. Высота 5 см.

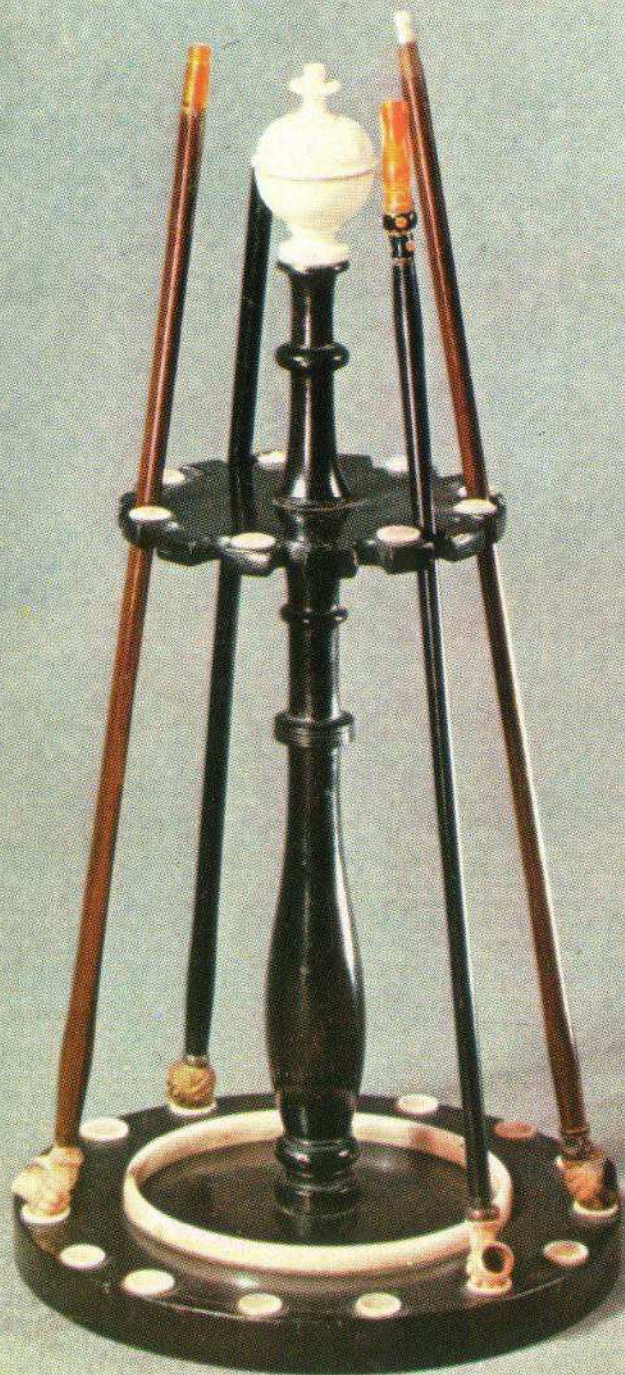
Игральные карты. $2,5 \times 1,7$ см.

Chandelier d'argent. Hauteur: 5 cm.

Cartes à jouer. Dimensions: $2,5 \times 1,7$ cm.

Деревянная подставка для чубуков.

Высота 23 см.

Пенковая трубка.

Диаметр 0,6 см.

Porte-pipes en bois
surmonté d'un cendrier
en ivoire travaillé. Hauteur: 23 cm.

Pipe d'écume.

Diamètre: 0,6 cm.

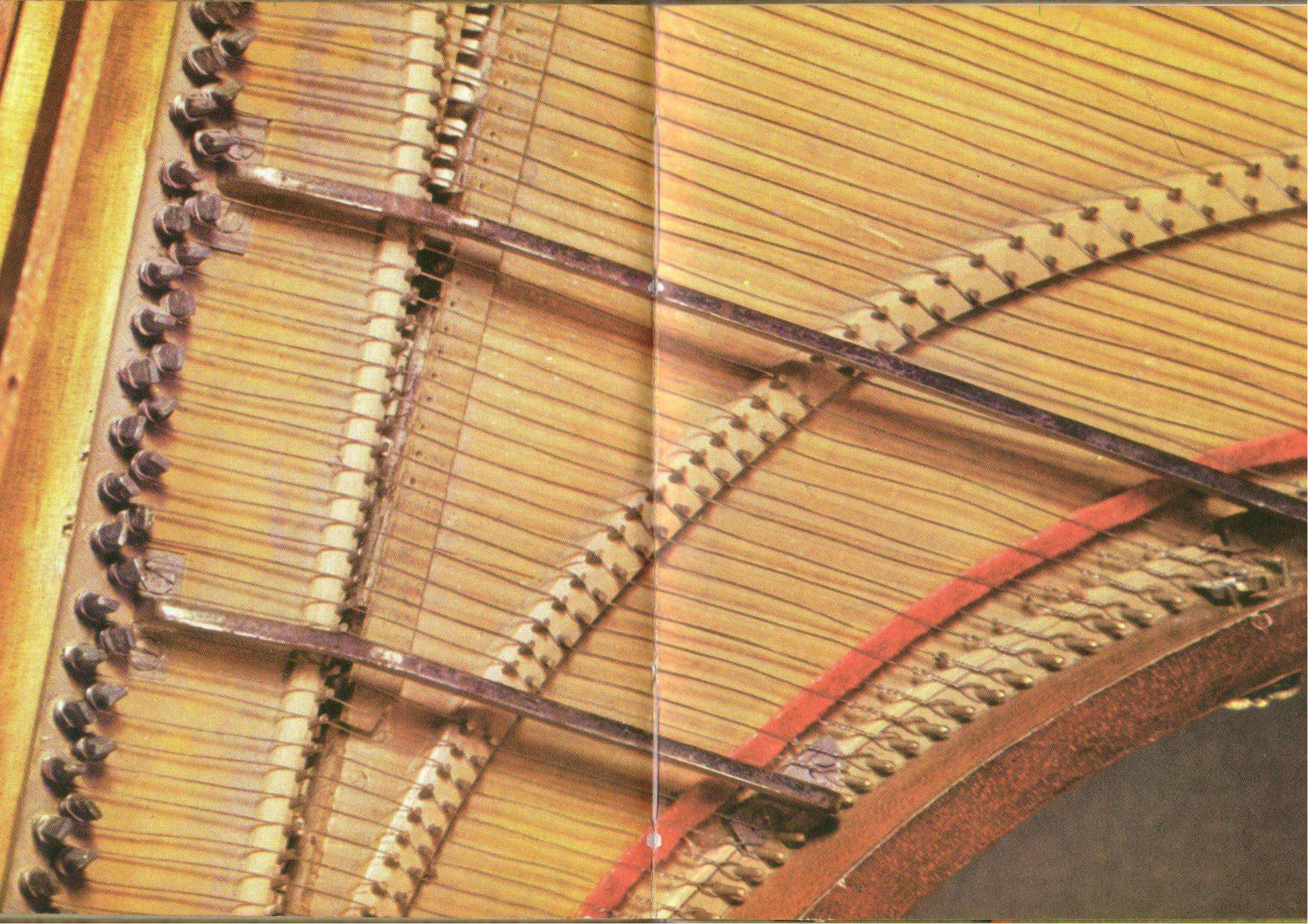

Рояль. Красное дерево. Высота 18 см.

Piano d'acajou. Hauteur: 18 cm.

Fr. Fächer
Mosan.

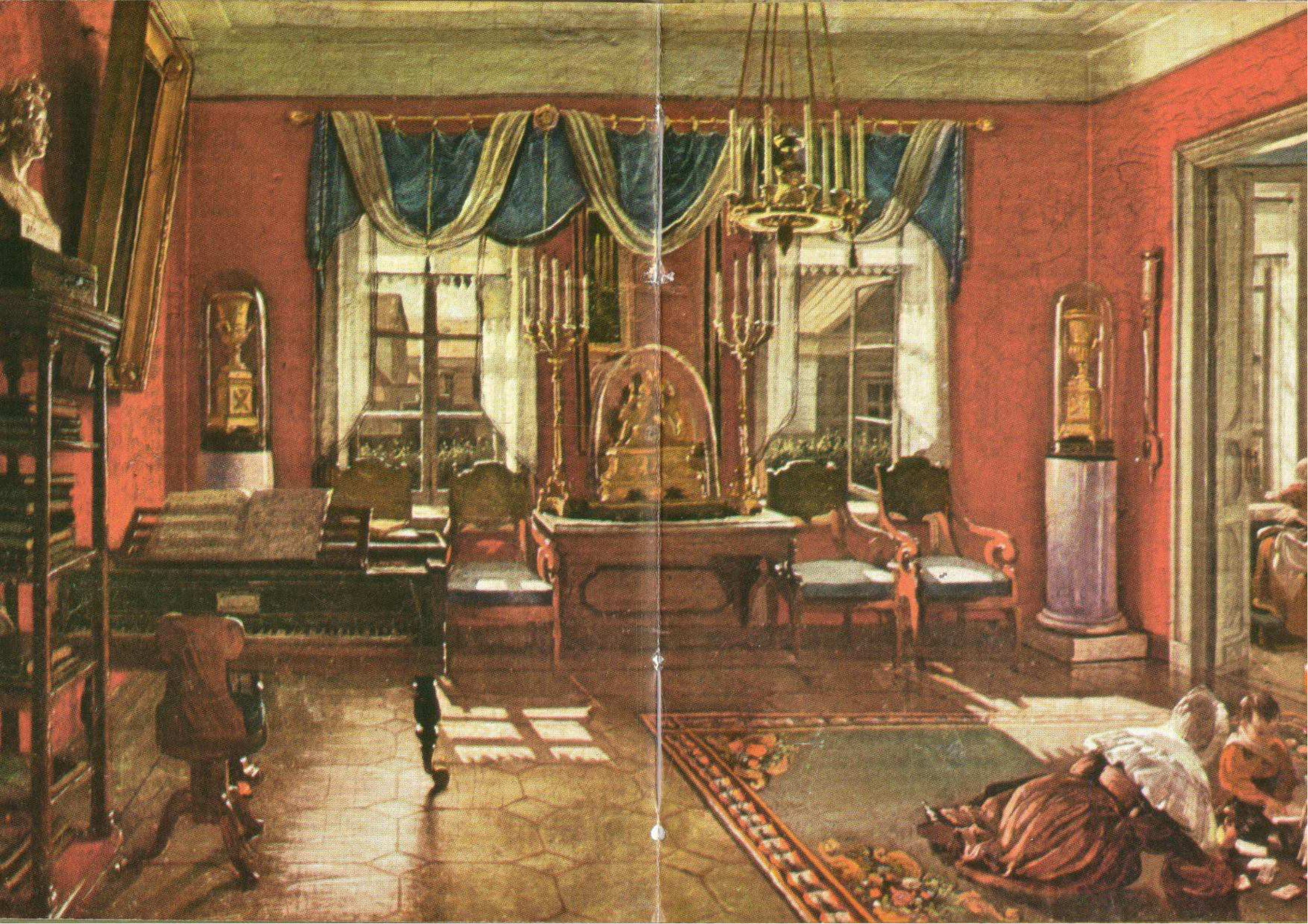
Ломберный стол и кресла. Красное дерево

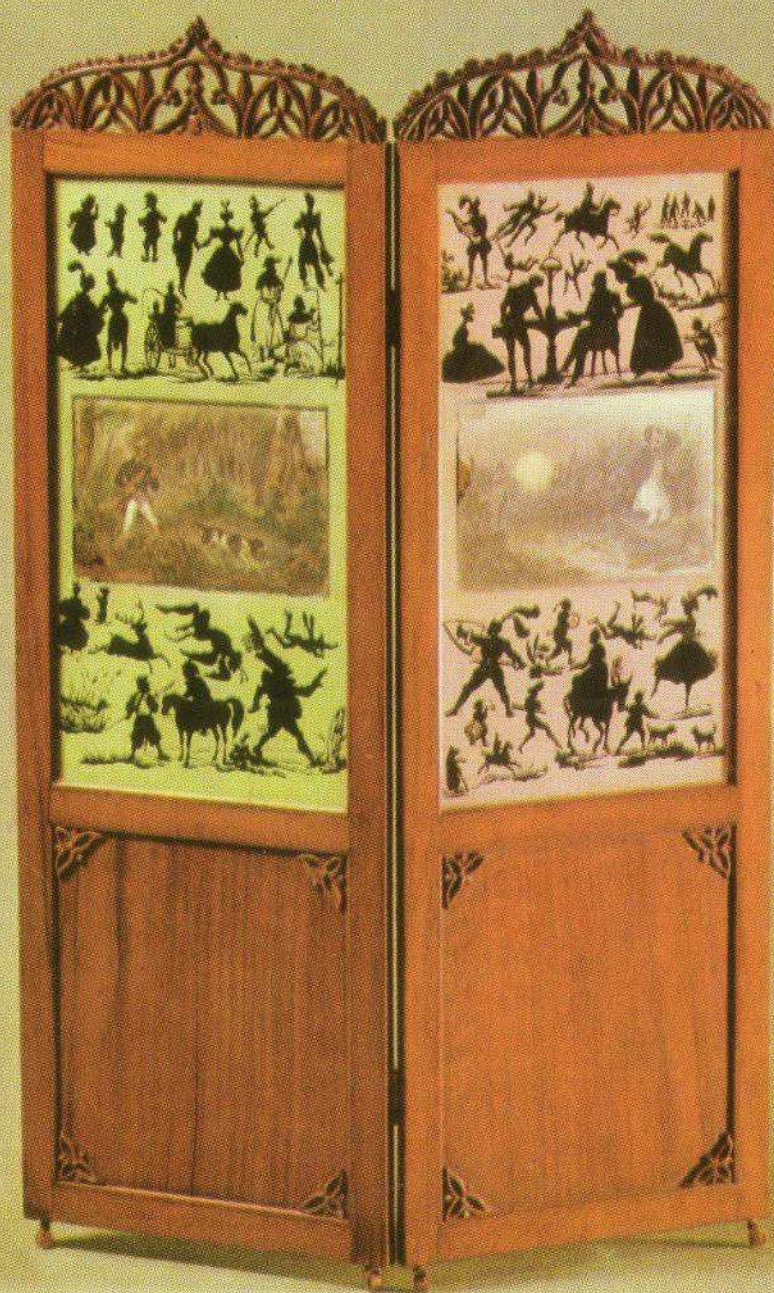
Высота стола 14 см

Table à jeu et chaises d'acajou

Hauteur de la table: 14 cm

Ширма. Красное дерево. Высота 39 см.

Paravent d'acajou. Hauteur: 39 cm.

Медные ступки. Длина пестика 6,7 и 9 см.

Mortiers et pilons de cuivre.

Longueur des pilons: 6,7 et 9 cm.

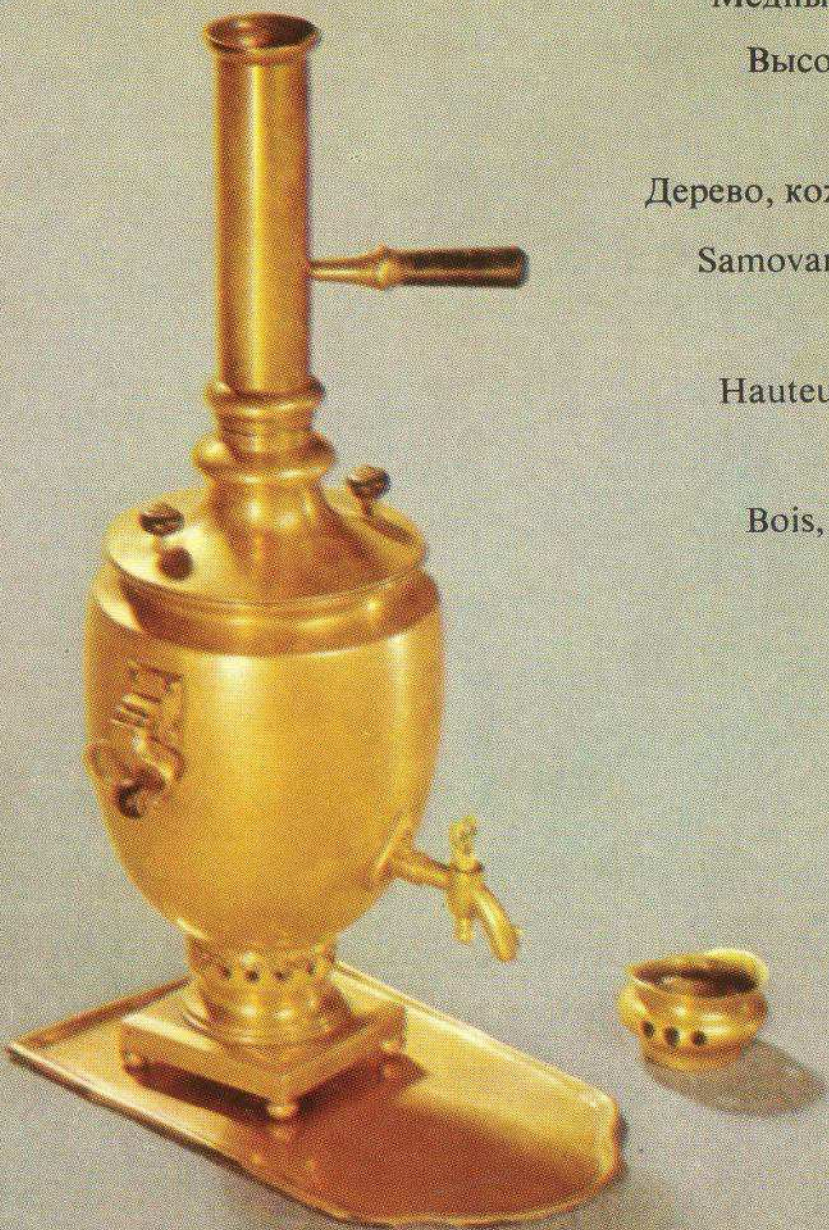
Лубяной коробок, окованный железом.

Высота 5 см.

Boîte en écorce de bouleau tressée garnie de ferrures.

Hauteur: 5 cm.

Медный самовар.

Высота 10,5 см.

Погребец.

Дерево, кожа, замша.

Samovar de voyage

en cuivre.

Hauteur: 10,5 cm.

Coffret.

Bois, cuir, daim.

Резак для колки сахара.

Дерево, железо.

Длина ножа 13 см.

Appareil pour casser
les pains de sucre.

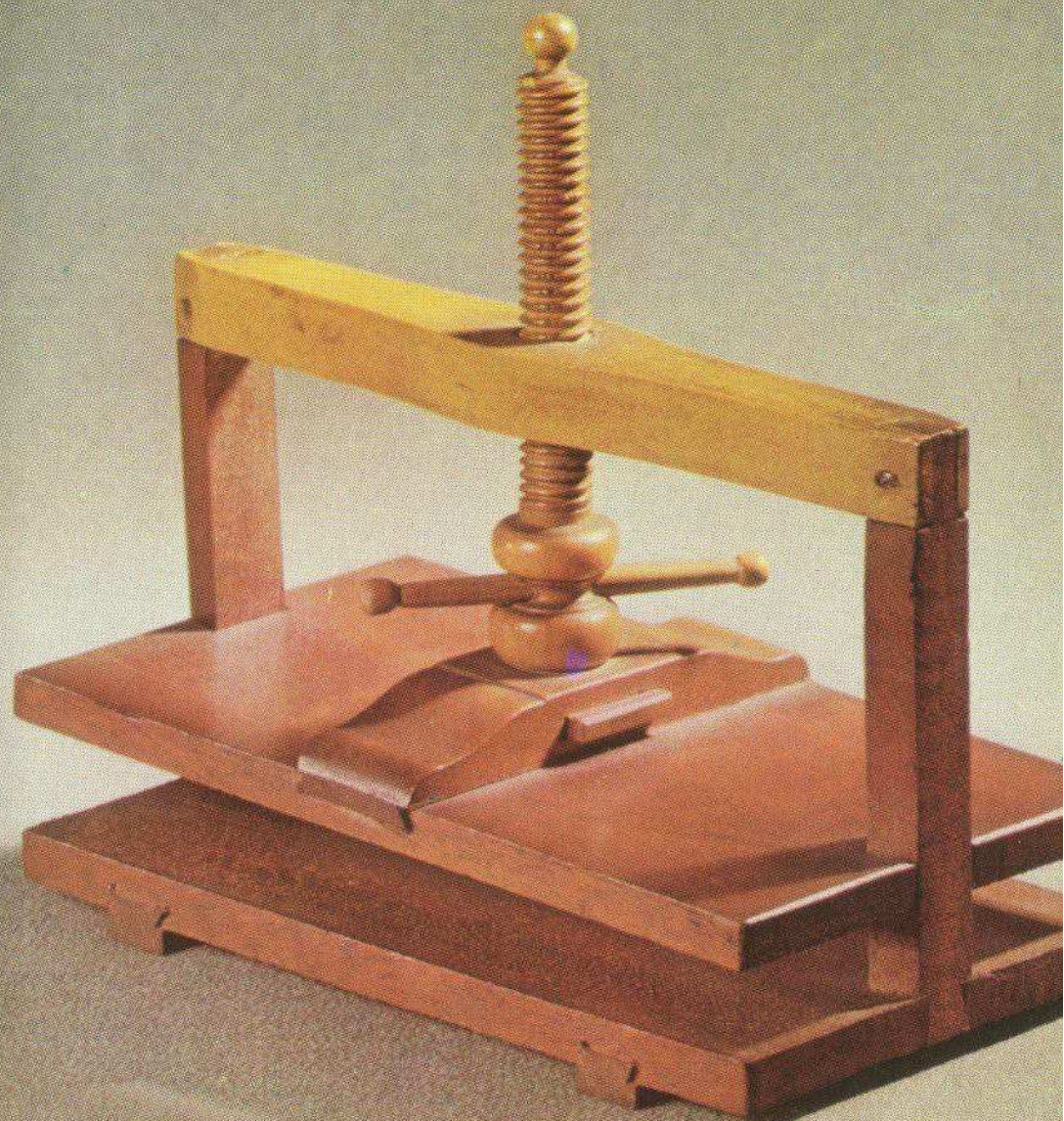
Bois, fer.

Longueur
de la lame: 13 cm.

Деревянный пресс для салфеток. Высота 13 см.

Presse à serviettes. Bois. Hauteur: 13 cm.

Серебряный самовар. Высота 7 см.

Чашки с блюдами. Фарфор с позолотой.

Высота чашки 1,5 см.

Samovar d'argent. Hauteur: 7 cm.

Tasses et soucoupes. Porcelaine à dorure.

Hauteur d'une tasse: 1,5 cm.

Предметы чайного сервиза.
Серебро с позолотой.
Высота чайника 3,2 см.

Pièces de service à thé
Argent à dorure
Hauteur de la théière: 3,2 cm

Предметы чайного сервиза. Серебро.
Высота самовара 5 см.

Pièces de service à thé. Argent.
Hauteur du samovar: 5 cm.

Столовое серебро.

Длина ложки 4,3 см.

Argenterie.

Longueur des cuillers: 4,3 cm.

Бокалы, фужеры и стаканы.

Стекло. Высота 3,3; 3 и 2 см.

Verres à vin et coupes à champagne.

Hauteur: 3,3; 3; 2 cm.

Суповая миска, тарелки и соусник

Soupière, assiettes et saucière

Сдано в набор 3/VII 1970 г. Подп. в печ. 29/VI 1970 г.
Формат $84 \times 108 \frac{1}{64}$, бумага мелованная Усл. печ. л. 3,36.
Уч.-изд. л. 4,70. Изд. № 4605. (1-84).
Издательство „Аврора“, Ленинград. 1971.
Ленинград, Д-65, Невский пр., 7/9.
Интердрук, Лейпциг
Издано в СССР

Фотографы В. Почаев, В. Стукалов
Photographies: V. Potchaïev, V. Stoukalov

Фронтиспис и последняя иллюстрация:
детали картины Н. Подключникова
„Гостиная в доме Нащокина“. 1838
Le frontispice et la dernière illustration:
N. Podkliouchnikov.
Le salon de l'appartement de Nachtchokine. 1838.
Détails

Граната Иустиновна Назарова

**НАЩОКИНСКИЙ
ДОМИК**

Редактор М. Кузнецова

Перевод А. Паскаль

Редактор французского текста И. Комарова

Технический редактор Э. Кежа

Корректор Э. Неуструева